

DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-663-670

EDN: RKILFP

УДК 82-1/29

Научная статья / Research article

Жанр баллады и его трансформация в песне А. Галича «Королева материка»

А.В. Марков , М.М. Голубков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1*

 maralexmsu@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – проследить функционирование баллады как синтетического жанра в песенной поэзии А. Галича. Использовались сравнительно-исторический, герменевтический методы, а также подходы, разработанные для изучения синтетического текста. Установлено, что повествовательные стратегии характерны для звучащей поэзии именно в сочетании с лиризмом переживаний героя песенного текста, что обуславливает продуктивность балладной формы. Показано, что А. Галич в тексте «Королева материка» опирается именно на романтическую поэтическую традицию, однако привносит и реалистические элементы, что в целом соответствует тенденциям развития и трансформации жанра, наметившимся еще в XIX в. Двойная мотивировка фантастического, не характерная для традиционной баллады, отсылает к аналогичному приему в магической прозе. Нарушаются и другие законы жанра: мистическое лишается конкретизации, текст имеет явные публицистические черты, лексика варьируется от возвышенной до резко сниженной, бытовой уровень повествования контрастирует с метафизическим слоем рассуждений. Сделан вывод, что реалистическая составляющая формирует эпическое содержание баллады, в то время как романтическая, связанная с иррациональным, выводит размышления А. Галича на онтологический уровень и сообщает произведению подчеркнутый лиризм.

Ключевые слова: песенная поэзия, лирический герой, романтизм, реализм, синтез, традиция, мотив

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 4 августа 2023 г.; отрецензирована 11 сентября 2023 г.; принята к публикации 2 октября 2023 г.

Для цитирования: Марков А.В., Голубков М.М. Жанр баллады и его трансформация в песне А. Галича «Королева материка» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 4. С. 663–670. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-663-670>

© Марков А.В., Голубков М.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The ballad genre and its transformation in A. Galich's song "Queen of the Mainland"

Aleksandr V. Markov , Mikhail M. Golubkov

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

 maralexmsu@gmail.com

Abstract. The research aims to trace the functioning of the ballad as a polycode genre in the song poetry of A. Galich. Comparative historical and hermeneutic methods were used, as well as approaches developed to study polycode text. The results show that narrative strategies are typical of resonant poetry precisely in combination with deeply personal experience of the main character of the song lyrics. This determines the productivity of the ballad form. It is shown that in the lyrics of "The Queen of the Mainland" A. Galich relies precisely on the romantic poetic tradition. However, he also introduces realistic elements, which generally correspond to the trends in the development and transformation of the genre that emerged in the 19th century. The double motivation of the fantastic, which is not typical of the traditional ballad, refers to a similar technique in magical prose. Other laws of the genre are also violated: the mystical is deprived of concretization, the text has obvious didactic features, the vocabulary varies from sublime to sharply reduced, and the everyday level of narration contrasts with the metaphysical layer of reasoning. It is concluded that the realistic component forms the epic content of the ballad, while the romantic component, associated with the irrational, brings A. Galich thoughts to the ontological level and gives the work an underlined lyricism.

Keywords: song poetry, lyrical hero, romanticism, realism, synthesis, tradition, motive

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted August 4, 2023; revised September 11, 2023; accepted October 2, 2023.

For citation: Markov, A.V., & Golubkov, M.M. (2023). The ballad genre and its transformation in A. Galich's song "Queen of the Mainland". *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 28(4), 663–670. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-663-670>

Введение

Исследования звучащей поэзии и, в частности, поэзии песенной в настоящее время становятся одним из важных направлений филологической и междисциплинарной мысли. В то же время интерпретация авторского текста осложнена особенностями синтетического текста, в котором, к примеру, В.А. Гавриков предполагает наличие значительного количества субтекстов, влияющих на смыслопорождение (Гавриков, 2021). Те же выводы звучат и в статьях исследователей, обративших внимание на не песенную звучащую поэзию, так, например, О.И. Валентинова отмечает «масштаб несовпадения „графического текста“ с „текстом акустическим“, воспроизводимым голосом автора» (Валентинова, 2012, с. 24). В ситуации, когда самими исследователями ощущается шаткость подходов к изучению синтетического текста современной поэзии, предназначенного для звукового бытования и органично существующего лишь в таком варианте, важным представляется обратить внимание на константы, сообщенные этому тексту классической, письменной

поэтической традицией. Исследование генетических связей позволяет осмыслить феномен звучащей поэзии как очередной и естественный этап бытования поэтического слова, принципиально новым в котором является зачастую авторская подача, самоинтерпретация, однако константой остается литературоцентричность, стремление вступить в диалог с предшествующими формами. Вопрос о функционировании традиционных жанров, их трансформации и реактуализации – один из ключевых в исследовании генезиса современной звучащей поэзии.

Обсуждение

Под термином «баллада» в разные времена, на разных историко-литературных этапах подразумевались разительно отличающиеся друг от друга явления. В цели исследования не входит выяснение происхождения этих явлений на ранних этапах, однако отметим, что как фольклорный жанр баллада подразумевала именно устное, песенное бытование, что реактуализуется в современной синтетической поэзии. Способствует этому процессу и очевидный для исследователей (В.М. Жирмунский, Г.Н. Пospelов и др.) лиро-эпический характер, свойственный как народной, так и литературной балладе, происхождение которой, впрочем, также возводится к фольклору. В соединении двух родов заключается значимый потенциал рассматриваемого жанра, так как звучащая поэзия ориентируется на синтез, в том числе и жанровый.

Литературная баллада в поэтической практике XVIII–XIX вв. связана, прежде всего, с поэтикой романтизма. Сюжетобразующим элементом в такой балладе становится фантастическое, иногда его могут заменить иррациональные переживания героев; таким образом, на уровне структуры балладного текста соединяются лирические и эпические начала. Когда на первый план в литературе выходит реалистический метод, баллада обращается к своим национальным основам, однако элементы романтизма присутствуют в ней неизменно. В начале XX в. границы жанра становятся более расплывчатыми, появляются сюжетные поэтические тексты со сниженной или отсутствующей лирической составляющей. В середине века как особый подвид возникает жанр советской баллады, сочетающий рассказ о подвиге с лирически-воодушевленной авторской оценкой.

В бардовской песне жанр баллады занимает особое место. Автор статьи «Жанр баллады в творчестве А. Галича» говорит, что именно в творчестве Галича жанр народной баллады трансформируется в «литературно-романтический», выделяя такие особенности, как небольшой временной промежуток, «образную прямолинейность», «многозначное толкование актуальной проблемы» (Федяй, 2022, с. 202). Вводя понятие «советской баллады», автор акцентирует внимание на ее специфике: это реалистическая направленность, сюжет традиционно описывает «героический подвиг <...> в условиях смертельной опасности». «Нарочитый отказ от героического пафоса» при этом обусловлен, по мнению автора статьи, установкой Галича на полемику с общепринятыми литературными нормами. Кроме того, совершенно справедливым видится замечание о том, что использование жанрового определения в названии играет решающую роль в «разграничении формы и содержания», а также при-

звано настроить реципиента на восприятие «ролевого характера» произведения. Если в балладе метрополии воспеваемое пространство сочетается с героическим действием, идеологической выверенностью и патриотизмом, то помещенный в тот же хронотоп герой Галича «в таких же условиях может существовать только как обыватель», что создает эффект пародийности, деконструируя жанр советской баллады, «доводя его до логического конца».

Между тем в творчестве Галича выделяется ряд песенных текстов, обозначенных как баллада, в которых тот самый эффект пародийности сведен к минимуму или вовсе отсутствует. Это, помимо рассматриваемой в данной работе «Королевы материка», «Баллада о Вечном огне», которая написана, вероятно, в диалоге с есенинской «Балладе о 26», и отчасти «Баллада о переселении душ». В то же время порой исследователи сужают круг текстов, на которые опирается автор; так, В.Я. Малкина говорит о том, «что в поисках не следует уходить далеко в глубь веков, поскольку, скорее всего, Галич использует это слово, отталкиваясь от самого близкого ему во времени и пространстве контекста – советской баллады» (Малкина, 2008, с. 106). Данное высказывание исследователя не исчерпывает авторской интенции: на одной из аудиозаписей «Королевы материка» Галич предпосылает исполнению рассматриваемой баллады комментарий, из которого мы узнаем об ориентации на романтическую традицию и, в частности, творчество Жуковского. Помимо этого, указывается, что текст был написан в бреду: «я помирал в городе Ленинграде, мне занесли тяжелейшую инфекцию...». Оба авторских высказывания важны в контексте данной работы.

Баллада «Королева материка» (1971) состоит из пяти частей: четырех глав и заключения. Первая часть написана в жанре колыбельной: автор описывает спящих эков и вохровцев. В последней строфе появляется главная героиня баллады – Белая Вошь, «королева материка»¹. Во второй главе это потустороннее существо мифологизируется, его «всевластье» возводится в абсолют, а оксюморонно единое сообщество охранников и охраняемых участвует в ритуальном самосожжении своей Королевы. История воцарения Белой Вши, излагаемая в третьей главе, возводится к «лихому» 1937 г. и связывается с романтическим мезальянсом между сгинувшим в результате таких отношений конвойным и самой Королевой. Еще одной жертвой мистической сущности становится «начальничек из Москвы», который предпринимает безуспешные попытки победить паразита, но заканчивает свою жизнь в петле из белых вшей – эта история излагается в четвертой главе. В заключении поэт снова выводит рассуждения о Королеве на метафизический, вневременной уровень, однако вновь в связке с рассуждениями об ужасах лагерной жизни.

Как это часто встречается в песнях автора, лексическое наполнение строится на приеме смешения грубой разговорной речи и возвышенно-патетических оборотов. Извращенность, уродливость существования в условиях Дальлага воплощена в языке баллады. Источником прозаизма становится мир реальный, в котором дежурный надзиратель «свистит и дробит» на вышке (но де-

¹ Здесь и далее текст баллады цитируется по: *Галич А.А. Сочинения: в 2 томах. Том 1. Стихотворения и поэмы / сост. А. Петраков, худож. В. Крючков. М.: Локид, 1999. 527 с.*

лает он это «на Марс», что иронично переводит нас в более отвлеченные сферы, в которых витает «по младости лет» вохровец), вохровцы и зэки (привычное для поэзии Галича оксюморонное сочетание, использовавшееся, к примеру, в «Поэме о Сталине»: «Все стоим ревя ревом – / И вохровцы, и зэки» (Галич, 1999, с. 110)) мочатся рядом в костер из «тачек и нар» (но в мистическом пласте баллады этот костер – ритуальный). Столкновение «высокого» и «низкого», разведенное до пределов романтического двоемирия реализовано уже в центральном образе Белой Вши. Вошь – существо неприятное, доставляющее массу неудобств людям, главным образом солдатам и зэкам, то есть тем, кто живет в условиях, где не получается соблюдать должным образом гигиену. Появление этого насекомого в поэтическом произведении уже само по себе призвано говорить о его реалистической направленности, но здесь Галич выходит далеко за рамки реализма, возводя Вошь на трон «Королевы материка», придавая ей онтологическое звучание и метафизический смысл.

Согласно автору, это существо просыпается, когда «до подъема часа полтора» – во время утренних сумерек, когда, согласно поверьям, приоткрывается дверь в иные миры. Предвестником пробуждения Вши становится проплывающая «во мгле тоска», таким образом становится ясна inferнальная сущность «повелительницы зэка». Мифологизация образа достигает пика во второй главе, где описывается конец лагерных времен («...кончились все срока / И не капает новый срок»). Материалом для ритуального костра становятся тачки и нары, и эта конкретизация не случайна: нары, с одной стороны – место отдыха, сна для зэка, который проводит «на нарах» все время, не предназначенное для работы, с другой – именно они являются источником и распространителем паразитов, в том числе и вшей; тачка же – символ тяжелой работы и последние нары для уже мертвого зэка, на которых его отвозят к месту бесславного захоронения. Вокруг костра, как уже было сказано, встают вохровцы и зэки и мочатся в него за себя и за тех, кто не дожил до этого часа (конец лагерной жизни содержит здесь аллюзию на конец времен вообще). В привычном столкновении возвышенного и прозаичного автор приводит сравнение «О, как они ссали б, закрыв глаза, – / Как горлица воду пьет».

Исследователи связывают такую профанацию ритуала с карнавализацией действия: «карнавальное кощунство и богохульство» видит в этом, например, О.В. Карпушина в статье «На перепутье жанров» (Карпушина, 2009, с. 104). Появлению Белой Вши здесь предшествует оксюморонное «пропоет неслышно труба», после чего героиня баллады, как пророчествует автор, сама «войдет в огонь». Костер тоже имеет карнавальную элемент; так, Бахтин описывает «особое сооружение (обычно повозка со всевозможным карнавальным барахлом), называвшееся «адам», в конце карнавала этот «ад» торжественно сжигался» (Бахтин, 1979, с. 145). Карнавальность здесь выступает в роли профанирующего мистическое, но может быть интерпретирована и как средство выживания, спасения от напряжения, спровоцированного иррациональным, животным страхом. За ритуальным самосожжением Королевы следуют мистические события: сноп искр, взметнувшийся к небу, образует в космосе «Вшивый Путь», в виде креста протянувшийся над Млечным Путем. Проти-

вопоставление Млечного пути «Вшивому» соответствует в поэтике Галича контрасту божьего мира и ада, сотворенного человеком.

Глава о ритуальном самосожжении Королевы материка коррелирует с заключением, образывая онтологический, вневременной пласт содержания. В нем автор снова обращается к гипотетическому концу времен, он говорит, что все, выжившие и мертвые, пройдут в параде в честь Белой Вши. Галич говорит, что историю нельзя исказить: «Ковыряют историю этак и так...», «Но мы-то знаем...» – эта риторическая фигура несколько раз повторяется, свидетельствуя о реальности жестокой правды. Он говорит об иллюзорности власти больших и малых начальников: «...сумеет любой дурак – / Палить в безоружных влать! / Но мы-то знаем, какая власть / Была и взаправду – власть!». Вши приписывается эта власть неслучайно, у этого оборота имеется и реальное обоснование: замученный паразитами человек не способен думать ни о чем другом. Инфернальное происхождение этой сущности раскрывается в полной мере в финальной строфе баллады, где автор заявляет, что царство Белой Вши будет продолжаться, пока «не кончились страх и ложь».

Текст баллады, несмотря на его мистическое содержание, наполнен отсылками к реальной жизни страны. Помимо «лихого» 1937 г., упоминается «Гудзонов пролив» – место территориального спора между СССР и США (он «спит еще мирно», то есть ожидаемая война ядерных сверхдержав и последующий за ней конец времен еще не начались), борьба со вшами «прожаркой», практиковавшаяся в годы ВОВ и ранее, в том числе и в лагерях; вспоминаются и внутрипартийные «чистки»: «А потом на конвойных пошел падеж: / То им пуля, а то – срока». Очевидны и прямые аллюзии: «Королева материка» вступает в диалог с произведением Солженицына, тоже использовавшим географический термин в названии «Архипелаг ГУЛАГ». Вошь Галича в этом сопоставлении обретает даже больший масштаб, повсеместно распространяя свою власть.

Автометапаратекст – авторский комментарий, включенный в контекст произведения и рассматривающийся исследователями синтетического текста в качестве одного из субтекстов – сообщает об ориентации автора на баллады Жуковского при создании «Королевы материка». Отметим, что, сохраняя некоторые установки романтизма, такие как поэтика «ужасного», романтическое двоимирие, Галич нарушает другие, не сообщая, к примеру, мистическому конкретным черт, а наоборот, представляя его в качестве аллегорического сосредоточения и воплощения отвратительных человеческих качеств. Используя традиционные романтические мотивы, такие как мотив смерти, мистичности, тайны, Галич трансформирует жанр баллады, нарушая его собственным присутствием в оценочных суждениях, разбавляя авторской иронией и разговорной лексикой повествование о «страшном». Вторжение фантастического, вызывающего мистические, иррациональные переживания, на фоне сугубо реалистических элементов, тяготеющих к натурализму и далее – к эстетике «грязного реализма», выглядит вполне обоснованным и потому еще более соответствует поэтике «ужасного».

Замечание автора о том, что текст баллады написан в бреде, дает паратекстовую мотивировку описанных событий. В состоянии измененного сознания Галич создает сюрреалистическую квинтэссенцию зла, которое творят

люди. К приему двойной – фантастической и реалистической – мотивировки прибегали и писатели-прозаики, обращавшиеся к магической прозе. Так, в рассказе А. Грина «Крысолов» происходящее может объясняться как мистически, так и внутренним состоянием героя, который болен тифом. Автор дополняет свой рассказ описанием аффектов, галлюцинаций и других симптомов, используя художественный опыт углубленного психологического анализа, что дает двойственную мотивацию сюжета. К тому же, как и его герой, сам А. Грин тоже переболел тифом, и такие эффекты были ему знакомы на собственном опыте. Параллели между балладой Галича и рассказом Грина лежат не только в способе мотивировки сюжета. Антиэстетичный образ крысы у Грина коррелирует с вошью Галича, при этом обоим существам приписывается мистическая власть над человеком. Эти существа материализуются в художественных мирах благодаря самым низменным человеческим чертам: и крысы Грина, и «Белая Вошь» Галича – это не самостоятельно и по своей воле появившиеся мистические существа, их воплощение обусловлено поведением людей, их ложью и страхом.

Заключение

Лиро-эпический характер баллады оказывается продуктивен в песенной поэзии, в частности у Галича. Трансформации, которые происходят с жанром в творческом переосмыслении барда, оказываются обусловлены как историко-культурными условиями его бытования, так и индивидуальной творческой стратегией. Так, традиция Жуковского остается важной для создания центрального образа, а советская баллада играет роль объекта деконструкции. Законы жанра становятся подвижными: мистическая фигура оказывается лишена конкретно-телесного воплощения, но ужас перед лицом неизвестного от этого лишь усиливается, приобретая онтологические черты. Поэтика ужасного, романтическое двоемирие в балладе Галича соседствуют с прозаизмами, элементами грубой разговорной речи, лексики, отражающей реалии лагерной жизни. В авторской стратегии мы видим наметившийся еще в XIX в. синтез романтического и реалистического начал, которые присутствуют в тексте баллады в максимальных своих выражениях. Финал баллады показывает отступление от романтической традиции и сообщает произведению публицистический пафос: на трон Королеву материка приводят отнюдь не большие начальники и не самолично тиран: страх и ложь присущи как раз жертвам, именно они оказываются виновны в том, что с ними происходит, их малодушие и лживость становятся источником репрессий.

Список литературы

- Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 318 с.
- Валентинова О.И. О «филологической герменевтике»: опыт интерпретации текстов, и не только // Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. С. 23–26.
- Гавриков В.А. Песенная поэзия vs печатная поэзия. М.: Директ-Медиа, 2021. 388 с.
- Галич А.А. Сочинения: в 2 томах. Том 1. Стихотворения и поэмы / сост. А. Петраков, худож. В. Крючков. М.: Локид, 1999. 527 с.

- Зиунов А.В.* Системный и индивидуальный кризис в авторской песне на примере творчества М. Анчарова и А. Галича // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2022. № 1 (72). С. 24–33. <http://doi.org/10.26456/vtfilol/2022.1.024>
- Зиунов А.В., Валганов С.В.* Графическая интерпретация семантического ритма «частное – всеобщее» в текстах авторской песни // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 2. С. 35–38. <http://doi.org/10.5281/zenodo.5043584>
- Карпушина О.В.* На перепутье жанров. Жанровый монтаж Галича // Галич: новые статьи и материалы / сост. А.Е. Крылов. М.: Булат, 2009. Вып. 3. С. 100–114.
- Кононова Н.В.* А.С. Пушкин в художественном сознании Александра Галича // Парадигма. 2016. № 24. С. 125–138.
- Малкина В.Я.* Жанр баллады в творчестве А. Галича (постановка проблемы) // Новый филологический вестник. 2008. № 2 (7). С. 104–108.
- Федяй С.В.* Жанр баллады в творчестве А. Галича // Ашмаринские чтения: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 21 октября 2022 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2022. С. 201–203.
- Флоря А.В., Уметбаева Е.Ю.* Общая характеристика идиостиля А.А. Галича // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. № 6. С. 23–27.
- Nakhimovsky A.S.* Russian-Jewish literature and identity: Jabotinsky, Babel, Grossman, Galich, Roziner, Markish. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992. 272 p.
- Stern R., Tismaneanu V.* Communism and culture. Springer Nature Switzerland AG, 2022. 216 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-82650-5>

Сведения об авторах:

Марков Александр Владимирович, аспирант, кафедра новейшей русской литературы и современного литературного процесса, филологический факультет; ассистент, кафедра гуманитарных дисциплин, специализированный учебно-научный центр (факультет) – школа-интернат имени А.Н. Колмогорова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. ORCID: 0009-0006-3536-0489. E-mail: maralexmsu@gmail.com

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей русской литературы и современного литературного процесса, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: m.golubkov@list.ru